

досадою. Мое положеніе съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже; моя бодрость была надломлена, по временамъ я падалъ духомъ; у меня не было ни настоящаго, ни будущаго—остаться въ академіи было невозможно и добиться отъ нея я ничего не могъ. Единственной моей матеріальной поддержкой оставалась стипендія, но могъ ли я этимъ довольствоваться? Да пора было и „честь знать“, и уступить ее другимъ.

Трудно мнѣ описать тогдашнее мое состояніе, трудно по двумъ причинамъ: не съумѣю, да и тяжело вспоминать. Бывали минуты, когда я самъ себя не узнавалъ. Я иногда блуждалъ какъ тѣнь или сидѣлъ по цѣлымъ вечерамъ дома и думалъ въ потьмахъ, а думы мои были темнѣе ночи... При этомъ извѣстія изъ дому были печальны и самъ я чувствовалъ себя нездоровымъ. Ходилъ къ доктору: онъ далъ мнѣ пилули, посоветовалъ пить молоко, ѣсть нежирное мясо, и т. д. Я принялъ эти совѣты съ улыбкою, поблагодарилъ доктора и, конечно, совѣтовъ его не исполнилъ. Къ тому же комната моя оказалась сырою; я перемѣнилъ ее и попалъ въ худшую, еще разъ перемѣнилъ, но было то же самое. Къ довершенію всего я сталъ замѣчать, что старые товарищи относятся ко мнѣ какъ-то странно, не попрежнему. Одинъ изъ близкихъ друзей высказалъ это довольно рѣзко и именно вотъ какимъ образомъ. Я постучался разъ въ его мастерскую; онъ открылъ дверь, не отнимая руки отъ замка, сталъ на порогъ и началъ увѣщевать меня:—„Ну, чего ты шляешься?“ Я вспыхнулъ, но онъ вспыхнулъ не менѣе меня и закричалъ:—„Нѣтъ, довольно за тебя распинаться... Мнѣ приходится вездѣ спорить за тебя... Я краснѣю... тебя всѣ считаютъ пропащимъ!“... Съ его стороны это было искренно, дружески, братски сказано, но все-таки для меня очень и очень больно. Нашъ прежній кружокъ мало-по-малу разбрелся: кто оставилъ академію, кто умеръ, кому дѣло мѣшало, а кому и просто надоѣло; у насъ вообще никто не можетъ похвастаться выдержкою. Было у меня много и другихъ товарищей, уже возмужалыхъ, съ серьезнымъ образованіемъ и съ большимъ или меньшимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ. Мы очень часто сходились и много спорили, тѣмъ больше, что я держался мнѣній противоположныхъ ихъ взглядамъ. Конечно, искусство было для всѣхъ насъ самымъ жгучимъ вопросомъ; но сытый голодному не пара—ихъ жизнь была весела и беззаботна, моя—печальна. Они смотрѣли на меня какъ на обиженнаго, охотно сочувствовали мнѣ, возмущались... но все-таки не было полного равенства, и это скоро высказалось. Между товарищами былъ одинъ, самый талантливый. Въ академіи ему